

УДК 801.56

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ПАРЕНТЕЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н.ТОЛСТОГО)

© Н.А.Андронова

В статье охарактеризованы семантика и функции вставности в форме придаточных предложений и показана специфика ее использования Л.Н.Толстым.

Ключевые слова: парентеза, придаточность, делимитация, интеграция, детализация, квалификация.

Проблема языковых преобразований [1], функциональных сдвигов и перепрофилирования, в рамках Казанской лингвистической школы представленная как оппозиция централизации / децентрализации [2: 17], являлась предметом изучения с разных сторон: теоретико-обобщающей, эволюционно-трансформационной [3], функционально-синтаксической, направленной на освещение сдвигов в системе сложноподчиненного предложения, взаимодействия его составляющих [4].

Доминантный, канонический статус придаточного предложения заключается в структурировании гипотаксиса на условиях присловной или прифразовой подчинительной связи. Тем не менее, в системе сложноподчиненного предложения в процессе его развития и функционирования имеют место различные смещения, модификации и трансформации, обусловленные как экстралингвистическими факторами, так и собственно лингвистическими и прагматическими, что стимулирует синтаксический «круговорот» придаточности, ее полифункциональность и многоликость.

Неканоничность придаточности в ее взаимосвязях с категориями ядерности/периферийности, системности/асистемности, прерывности/непрерывности, субъективности/объективности и др. проявляется прежде всего в двух ведущих тенденциях: интеграции/деинтеграции.

Уникальную функцию выполняют придаточные, находящиеся в изоляции, но не выходящие за пределы синтаксического целого, а только передвинутые на периферийный план, – это придаточные в позиции вставных единиц. Они осуществляют разрыв синтаксических связей, обеспечивают делимитацию текста, выводят в коммуникативную сферу. Одним из значимых аспектов их исследования является художественный текст, причем тот, который относится к синтагматиче-

ской прозе, способствующей реализации сочетательных возможностей слов и предложений в рамках единой синтаксической структуры. При этом не только синтагматика речи, но и авторские установки на употребление усложненных конструкций, сочетающих основное и дополнительное содержание, главные сообщения и второстепенные, но значащие детали, предопределяют скобочную подачу информации.

Можно констатировать тот факт, что вставность составляет одну из особенностей идиостиля Л.Н.Толстого, являясь средством реализации его «авторского избытка» [5], смыслового и осведомительного. Так, в литературе вопроса отмечено, что «Толстой описывает объект с эпическим размахом, полнотой и всезнанием, включая в описание детали, которые никак не могли быть видены и поняты его героем, но он заряжает свое описание чувством своего героя или своей собственной страстью», синтезируя «эпическое и лирическое начала» [6: 841].

Следуя закономерностям синтагматического развертывания предложения-высказывания, Л.Н.Толстой чередует текстовые последовательности более объемной и менее объемной структуры, при этом критерием расширения становится значимость сообщаемой информации, необходимость ее всесторонней интерпретации при нетрафаретности жизненных ситуаций в периоды войны и мира.

Линейное взаимодействие предикативных единиц утрачивается или ослабляется, появляется связь основного и добавочного планов, реализуется наложение на реляционные значения придаточности таких отношений, как пояснение, уточнение, разъяснение, присоединение, которые коммуникативно значимы, прагматически акцентированы в контексте. Они позволяют автору осуществлять «кружение вокруг денотата», совмещая разные временные отрезки, параллельное

сообщение о том, что говорит персонаж и что думает, что делает и как это воспринимается другими и т.п., т.е. реализовать фокусирование различных проекций авторского видения мира в одной речевой плоскости.

Коммуникативно-прагматическая модификация инвариантной иллокутивной установки автора обычно носит характер дополняющего, корректирующего или субъективно-оценочного включения.

Функция дополнения информативного плана предложения, его расширения и добавления нередко возлагается на атрибутивный блок предложений, т.к. в его составе, помимо выделительной и качественно-сравнительной разновидностей, представлен определительно-распространительный тип, достаточно востребованный в аспекте пополнения, продвижения содержательной линии художественного текста: *Резко отделялись одна от другой три части этой армии: боевая Кутузовская (в которой на правом фланге в передней линии стояли павлоградцы), пришедшие из России армейские и гвардейские полки и австрийское войско [7: 138-139]; Обойдя по саду круг, который привел ее опять к дому, она увидела идущих к ней навстречу m-lle Bourienne (которая оставалась в Богучарове и не хотела оттуда уехать) и незнакомого мужчину [7: 407]. Семантика данных вставок может быть достаточно разнообразной, ориентирующейся не столько на вид придаточного, сколько на лексическое наполнение предложения-высказывания.*

Другие разновидности присубстантивно-определяющих предложений также могут быть вовлечены в сферу вставности при условии выноса из состава главного предложения указательного коррелята совместно с определяемым словом или без него: *Николай вдруг почувствовал желание и необходимость рассказать все свои задушевные мысли (такие, которые не рассказал бы и матери, сестре, другу) этой почти чужой женщине [7: 535]; Русские не только не укрепляли позиции Бородинского поля влево под прямым углом от дороги (то есть того места, на котором произошло сражение), но и никогда до 25 августа 1812 года не думали о том, чтобы сражение могло произойти на этом месте [7: 428].*

Поскольку придаточные изъяснительные наиболее синтагматически зависимы, то они обычно выходят за пределы основного сообщения совместно с главными частями, которые имеют антропоцентрический характер, выраженный за счет опорного слова перцептивного, речемыслительного и модусно-оценочного планов: *Петя решился прямо идти к тому месту, где*

был государь, и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Пете казалось, что государя всегда окружают камергеры), что он, граф Ростов, несмотря на свою молодость, желает служить отечеству...[7: 382]; Он же (он знал очень хорошо, каким он должен казаться для других) был помещик, занимающийся разведением коров, стрелянием дупелей и постройками, то есть бездарный малый...[8: 29].

Придаточность обстоятельного профиля, стимулируемая всем объемом главного предложения или его полупредикативными компонентами, чаще всего реализуется на уровне причинно-следственных, аргументативных отношений. При этом каузальная семантика получает актуализацию за счет частиц или модальных слов в присоюзной позиции: *Совершенно ложно (только потому, что последствия не оправдали действия Наполеона) представляют нам истории силы Наполеона ослабевшими в Москве [7: 290].*

Семантика обусловленности, пронизывая весь толстовский дискурс, представлена и обратно-обусловленными – уступительными предложениями: *Долохов, не любивший дамского общества, стал часто бывать в доме, и вопрос, для кого он ездит, скоро (хотя никто не говорил про это) был решен так, что он ездит для Сони [6: 188]; Они были твердо уверены, что настоящая цель его (что бы он ни сказал им) будет всегда в том, что он не скажет им [8: 370].*

Имеет место и уточнение темпорального течения событий или ситуаций, хотя временной план обычно представлен в основной линии повествования, также включающей уточнительно-пояснительные компоненты: *И что было еще ужаснее для княжны Марьи, это было то, что со времени болезни ее отца (даже едва ли не раньше, не тогда ли, когда она, ожидая чего-то, осталась с ним) в ней проснулись все заснувшие в ней, все забытые личные желания и надежды [7: 406].*

Довольно частотны в роли вставных сравнительно-сопоставительные придаточные предложения: *Горничная, с графином, второпях (как и все делалось второпях в эту минуту в этом доме) не затворила двери [7: 428]; Унтер-офицер подбежал к старшему офицеру и испуганным шепотом (как за обедом докладывает дворецкий хозяину, что нет больше требуемого вина) сказал, что зарядов больше не было [7: 450]; Жюли, однако, не льстила своему другу: действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица,*

глаза эти делались привлекательнее красоты [7: 53]. Любопытно, что в этих предложениях вставность стимулируется ключевой лексемой, выводящей в сравнительную оценку ситуаций и суждений, а подчеркнутая деталь – *лучистые глаза* – попадает в зону текстового «смыслового резонанса».

В позиции парентезы нередко оказываются относительно-присоединительные предложения, наиболее склонные к передаче модусно-комментирующих смыслов при вмещающем характере союзного слова, вбирающего содержание всей главной части или одного предикативного компонента: *Надо было, присутствуя при этих службах, одно из двух: притворяться (чего он своим правдивым характером никогда не мог), что он верит в то, во что не верит, или, признав все эти внешние формы ложью, устроить свою жизнь так, чтобы не быть в необходимости участвовать в том, что он считает ложью* [9: 290].

Следует заметить, что в составе сложноподчиненных многокомпонентных предложений нередко выступает не одно, а два и более придаточных однородного или неоднородного типа: *Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всяком случае хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, так как без поджогов было бы то же самое* [7: 506].

При этом наряду с контактной позицией придаточных наблюдается и дистантная: *Результатом ближайшим было и должно было быть для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире)* [7: 427].

Атрибутивные конструкции-парентезы при их неоднократном использовании в рамках одного сложного целого приближают его к статусу периода: *Прошедшая жизнь Пьера, его несчастья до 1812 года (о которых он из слышанных слов составил себе смутное, поэтическое представление), его приключения в Москве, плен, Платон Каратаев (о котором он слышал от Пьера), его любовь к Наташе (которую тоже особенно любовью любил мальчик) и, главное, его дружба к отцу, которого не помнил Николаенька, – все это делало из Пьера для него героя и святыню* [7: 655]. Любопытно, что четвертое придаточное с формантом «который» подано в рамках основного повествовательного плана при подчеркнутой значимости содержания заключительного атрибутивного компонента.

Художественное мастерство Л.Н.Толстого, его умение не только задействовать «правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов» [10:10] проявляются как в формах прерывания сюжетной линии текста, так и в способах их сцепления. Преследуя цель содержательной связанности повествования и максимальной нацеленности его на восприятие адресатом, Л.Толстой прежде всего акцентирует в большей или меньшей мере потерянную нить ведущей сюжетной линии за счет повтора, использования параллельных конструкций, а также контактных позиций слов, семантически коррелирующих со вставным компонентом, причем наличие двух или нескольких вставок нередко отличается симметричностью их включения и лексической корреляцией. Приведем примеры: *Впечатление лица князя Андрея только после нескольких секунд (как это часто бывает у стариков) связалось с воспоминанием о его личности* [7: 420]; *Один из докторов в окровавленном фартуке и с окровавленными небольшими руками, в одной из которых он между мизинцем и большим пальцем (чтобы не запачкать ее) держал сигару, вышел из палатки* [7: 459]. Интересно, что вставочный компонент в этих примерах находится в препозиции по отношению к стимулирующей его информации.

Значимым средством скрепления ведущего и добавочного состава текста можно считать лексические повторы в рамках микротекстов: *Доктор говорил, что выражаемое им беспокойство ничего не значило, что оно имело физические причины, но княжна Марья думала (и то, что ее присутствие всегда усиливало его беспокойство, подтвердило ее предположение), думала, что он что-то хотел сказать ей* [7: 405]; *Оно казалось затихшим, но таинственные силы, двигающие человечество (таинственные потому, что законы, определяющие их движение, неизвестны нам), продолжали свое действие* [7: 637]; *По Петербургу мгновенно распространился слух не о том, что Элен хочет развестись со своим мужем (если бы распространился этот слух, очень многие восстали бы против такого незаконного намерения), но прямо распространился слух о том, что несчастная интересная Элен находится в недоумении о том, за кого из двух ей выйти замуж* [7: 473].

Иерархизация повествования в процессе «потока сознания» [11: 453] осуществляется и за счет выхода вставности за пределы сложного предложения в рамках абзаца. В структурном отношении вставной элемент становится автономным, равным сложноподчиненному предложению с одним или чаще несколькими прида-

точными, коммуникативный вес его либо уменьшается (при комментировании), либо увеличивается (при семантике вывода или квалификации). Так, в абзаце, состоящем из 7 предложений, последнее заключено в скобки: *Борис заметил взволнованное лицо Аракчеева, в то время как государь пошел с Балашевым. Аракчеев, исподлобья глядя на государя и посапывая красным носом, выдвинулся из толпы, как бы ожидая, что государь обратится к нему. (Борис понял, что Аракчеев завидует Балашеву и недоволен тем, что какая-то, очевидно, важная новость не через него передана государю) [7: 348]; Но не успел он сойти вниз, как навстречу ему показались плотные толпы бегущих русских солдат, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бежали на батарею. (Это была та атака, которую себе приписывал Ермолов, говоря, что только его храбрости и счастьем возможно было сделать этот подвиг, и та атака, в которой он будто бы кидал на курган Георгиевские кресты, бывшие у него в кармане) [7: 450-451].*

Вставные единицы, введенные автором в ситуации общения или внутреннюю речь на правах ремарок, также расширяют информативное текстовое пространство, квалифицируя и комментируя сказанное или сделанное тем или иным персонажем: *Я думаю, сказал Новгородцев, что если мы хотим делать свое дело, то первое для этого условие (Кондратьев оставил книгу, которую он читал у лампы, и внимательно стал слушать своего учителя) то, чтобы не фантазировать, а смотреть на вещи как они есть [9: 411]; Решения, какого-нибудь решения, Алексей Александрович. Я обращаюсь к тебе теперь («не как к оскорбленному мужу», – хотел сказать Степан Аркадьич, но, побоявшись испортить этим дело, заменил это словами не как к государственному человеку (что вышло некстати), – а просто как к человеку, и доброму человеку, и христианину). Ты должен пожалеть ее, – сказал он [8: 301].* Как свидетельствует фактический материал, в микротекстах, включающих вставные элементы, задействованы различные средства передачи связности как внутрифразового, так и межфразового характера (грамматические, лексические, стилистические, а также ассоциативные). При этом, если вводные конструкции, в том числе и в форме придаточных предложений (*если можно так сказать, как говорится* и др.), имеют системно-языковой характер и проникают в смысловую структуру высказывания, модифицируя его, то вставные единицы относятся к сфере функционирования, они не характеризуются лексической стабильностью и устоявшейся формой, тем не менее не теряя статуса языковых единиц.

Наконец, следует иметь в виду, что Л.Толстой, у которого «наружность чисто русская и душа ...подлинно русская [12: 229], а также то, что «...народ русский в нем – вот существенное» [13: 15], отражает специфику и манеру русской речи, где есть надсловие, подсловие, а есть и что-то притулившееся рядом, ...что над, под и сбоку». Вставные конструкции способствуют полной, неспешной передаче информации с учетом периферийных сведений и немаловажных деталей, т.е. являются одним из средств перебива высказывания и его всестороннего истолкования.

Несмотря на значительные вкрапления пафоса, особенно в романе «Война и мир», Л.Н.Толстой в полной мере обеспечивает сохранность, динамизм и непрерывность основной, сюжетно-концептуальной линии повествования, обогащая ее добавочной информацией, имеющей дискретный характер и максимально нацеленный на читателя.

Хотя явление вставности «как фигуры замедления текста» [14: 93], его информативного насыщения, в отличие от вводности, формально не ориентировано на субъективную сферу, в романах Л.Н.Толстого оно нередко окрашивается субъективной модальностью и квалификацией за счет расширенного контекста и вкрапления модально-вводных слов и частиц: *Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тех людей, от которых, казалось, зависело событие) была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств, без одного из которых событие не могло бы совершиться [7: 344]; Может быть, он этого не думал, встречаясь с женицами (и даже вероятно, что нет, потому что он вообще мало думал), но такой у него был вид и такая манера [7:126]; ...он (Наполеон) не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существуют какие-то правила для того, чтобы убивать людей) [7: 583].*

Итак, изучение одного из способов оформления вставности свидетельствует о том, что Л.Н.Толстой демонстрирует искусство структурирования художественного текста, ориентированного на гипотаксис, с учетом его семантической нагруженности, объемно-прагматического фактора и контекстно-вариативных аспектов организации нарратива. Вставность придаточных предложений, выполняя функции делимитации и интеграции текста, проспекции и ретроспекции, прежде всего нацелена на обстоятельность повествования, информативную полноту и уравнивание знаний автора и адресатов их восприятия.

*****

1. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа (Языки русской культуры), 1998. – 768 с.
2. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.2. – 391 с.
3. *Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Учебное пособие. – Бельцы: [б.и.], 1971. – 199 с.
4. *Уханов Г.П.* О грамматической природе придаточного предложения: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1970. – 44 с.
5. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 315 с.
6. *Плюханова М.Г.* Творчество Толстого. Лекция в духе Ю.М. Лотмана // Лев Толстой. Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 822 – 857.
7. *Толстой Л.Н.* Война и мир. – М.: ОГИЗ, 1945. – 688 с.
8. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. – М.: Дрофа, 2006. – 889 с.
9. *Толстой Л.Н.* Воскресение. – М.: ОГИЗ, 1949. – 502 с.
10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Изд-во АН СССР, 1974. – 428 с.
11. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
12. *Лосский Н.О.* Нравственная личность Л.Н.Толстого // Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С.229 – 242.
13. *Розанов В.В.* Поездка в Ясную Поляну (1908) // Л.Толстой. Pro et contra. Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С.111 – 116.
14. *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – 275 с.
15. *Щербак Г.* Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом // Новый мир. – 2000. – №3. – С.1 – 20.

SEMANTIC AND FUNCTIONAL STATUS OF PARENTEZY (BASED ON THE WORKS BY LEO TOLSTOY)

N.A.Andramonova

The article describes the semantics and functions of inclusions in the form of subordinate clauses and particular features of their use by L.N.Tolstoy.

Key words: parenteza, subordination, delimitation, integration, detailed elaboration, qualification.

*****

1. *Gak V.G.* Jazykovye preobrazovanija. M.: Shkola (Jazyki russoj kul'tury), 1998. – 768 s. (In Russian)
2. *Bodujen de Kurtenje I.A.* Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju. V 2 tomah. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – T.2. – 391 s. (In Russian)
3. *Migirin V.N.* Oчерki po teorii processov perehodnosti v rusском jazyke. Uchebnoe posobie. – Bel'cy: [b.i.], 1971. – 199 s. (In Russian)
4. *Uhanov G.P.* O grammaticheskoj prirode pridatochnogo predlozhenija: avtoref. diss.... dokt. filol. nauk. – M., 1970. – 44 s. (In Russian)
5. *Bahtin M.M.* Problemy pojetiki Dostoevskogo. – M.: Sov. Rossija, 1979. – 315 s. (In Russian)
6. *Pljuhanova M.G.* Tvorchestvo Tolstogo. Lekcija v duhe. Ju.M. Lotmana // Lev Tolstoj. Pro et contra. – SPb.: RHGI, 2000. – S. 822 – 857. (In Russian)
7. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir. – M.: OGIЗ, 1945. – 688 s. (In Russian)
8. *Tolstoj L.N.* Anna Karenina. – M: Drofa, 2006. – 889 s. (In Russian)
9. *Tolstoj L.N.* Voskresenie. – M.: OGIZ, 1949. – 502 s. (In Russian)
10. *Shherba L.V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. L.: Izd-vo AN SSSR, 1974. – 428 s. (In Russian)
11. *Losev A.F.* Znak.Simvol.Mif. – M.: MGU, 1982. – 480 s. (In Russian)
12. *Losskij N.O.* Nравstvennaja lichnost' L.N.Tolstogo // Pro et contra. – SPb:RHGI, 2000. – S.229 – 242. (In Russian)
13. *Rozanov V.V.* Pоеzdka v Jasnuju Poljanu (1908) // L.Tolstoj. Pro et contra. Pro et contra. – SPb:RHGI, 2000. – S.111 – 116. (In Russian)
14. *Jeko U.* Shest' progulok v literaturnyh lesah. – SPb.: «Simpozium», 2003. – 275 s. (In Russian)
15. *Shherbakova G.* Voshozhdenie na holm carja Solomona s koljaskoj i velosipedom // Novyj mir. – 2000. – №3. – S.1 – 20. (In Russian)

*****

Андромонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: kaf_rus@mail.ru

Andramonova Natalya Alekseevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Instruction, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: kaf_rus@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2014